

Новикова Ольга Алексеевна

Депутат от России

**Воспоминания и переписка Ольги
Алексеевны Новиковой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-56

О-56 **Ольга Алексеевна Н.**
Депутат от России: Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой / Новикова
Ольга Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 222 с.

ISBN 978-5-521-25387-6

ISBN 978-5-521-25387-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

для конвоя слишкомъ много. Отысканъ былъ и пустяшный предлогъ для новой несчастной войны въ Афганистанѣ.

Въ это самое время г-жа Новикова возвратилась въ Лондонъ и принялась за свой полезный трудъ—разъяснять англійской публикѣ русское мнѣніе о нихъ и ихъ политикѣ въ Европѣ и въ Азіи. Еще до своего приѣзда, она уже переписывалась съ Гладстономъ о Родопской комиссіи.

На эту же тему писалъ ему и я, спрашивая также его мнѣнія о Кабульскомъ и Афганистанскомъ вопросахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ 18-го сентября, въ самый день отъѣзда англійской миссіи въ Кабуль:

18 сентября 1878 г.

Милостивый Государь.

„На прошлой недѣлѣ Вы обратились къ мнѣ съ вопросомъ, я думаю потому, что находились въ затрудненіи, а я былъ въ затрудненіи Вамъ отвѣчать; все это происходитъ оттого: 1) что для насъ неясны самые факты. Однако, мнѣ кажется, что Daily News слишкомъ поспѣшно утверждалъ о необходимости движенія впередъ, когда мы были еще въ потемкахъ; 2) что слѣдовало разсудить, была ли посылка нашихъ войскъ въ Квету согласована съ договоромъ нашимъ съ Россіей относительно сферъ нашего обоюдного вліянія? 3) освободить ли нашъ образъ дѣйствій Россію отъ ея обязательствъ и дать ли ей дѣйствительную причину неудовольствія? 4) Разумно или законно ли озлобленіе противъ Афганистана? 5) Не равняется ли вмѣшательство въ независимость Эмира принужденію?

„Сегодня получилъ Вашу записку съ приложеніемъ отъ г-жи Новиковой. Оно ясно и даетъ лучшее понятіе о комиссіи, чѣмъ я прежде имѣлъ. Но все же оно меня не удовлетворяетъ. Авторъ говоритъ, что членъ французской комиссіи хорошій человѣкъ, и что докладъ написанъ имъ, а не русскимъ. Вашъ искренно

Гладстонъ.

Когда пришло извѣстіе о возвращеніи англійской миссіи, говорить Стэдъ, я сильно настаивалъ на собраніи митинговъ для протеста противъ второй Афганской войны и увѣдомилъ объ этомъ Чемберлена.

„Въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, написалъ тотъ: я сомнѣваюсь, чтобы рядъ митинговъ по поводу индійской политики принесъ какую бы то ни было пользу въ настоящее время“.

Ольга Алексѣевна, между тѣмъ, помѣстила три статьи въ „Сѣверномъ Эхо“ (Northern Echo): одну о впечатлѣніи въ Россіи отъ

англійской политики въ Европѣ, вторую о грозящей войнѣ съ Афганистаномъ и третью о возстаніи въ Македоніи. До того, какъ она начала писать, она возобновила знакомство съ Томасомъ Карлейлемъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма отъ 6-го октября.

„Я провела часа два съ милымъ старикомъ Карлейлемъ. Мы вмѣстѣ гуляли, ѣздили въ омнибусѣ, онъ меня проводилъ до моей гостиницы и просилъ заѣхать, въ какой день я хочу, до трехъ,—тогда мы опять поватаемся, только въ каретѣ, это для него своего рода прогрессъ. „Знаете, я думалъ, въ прошломъ году, что никогда больше Васъ не увижу. Не странно ли, что я еще живъ?“ сказалъ онъ. Милый старикъ! Кажется, онъ искренно былъ радъ меня видѣть и безпрестанно повторялъ это. Я спросила: имѣлъ ли онъ извѣстія отъ Васъ. „Лишь только, когда въ газетѣ есть что-нибудь написанное Вами, я очень благодаренъ издателю за присылку мнѣ газеты, отвѣчалъ онъ. Но политика большое мѣсто въ наше время. Съ проклятымъ нашимъ премьеромъ стыдишься того, что происходитъ“.

Друзья г-жи Новиковой сильно поощряли ея наклонность къ журналисткѣ. Она мнѣ писала:

23 октября 1878 г.

„Хейвардъ говоритъ въ своей запискѣ: Я прочиталъ письмо и передовую статью о немъ съ большимъ удовольствіемъ. Во всемъ совершенно согласенъ съ Вами. Роль наша жалка и презрѣнна. Представитель Англіи шарлатанъ, но надо надѣяться, что рано или поздно наступитъ разоблаченіе“.

„Фрудъ относится также дружески къ ней: „О. К. хороша какъ нельзя болѣе“, пишетъ онъ. Вотъ письмо г-жи Новиковой:

„Вчера я навѣстила Карлейля. Какъ только онъ увидѣлъ меня, онъ воскликнулъ: Я нахожу Вашу статью очень хорошей и интересной. Я Вамъ не стану говорить комплиментовъ, но это сущая правда. Я не зналъ анекдота про Фридриха-Вильгельма, но это совершенно въ его духѣ. Онъ говорилъ, бывало: смотрите мнѣ прямо въ глаза, когда я съ Вами говорю“.

Анекдотъ о Фридрихѣ-Вильгельмѣ былъ таковъ: чтобъ заставить человека его любить, императоръ билъ его палкой, прибавляя: „меня нужно любить, а не бояться“. Г-жа Новикова привела его, какъ иллюстрацію къ англійскому способу пріобрѣтенія дружбы Ширъ-Али.

Каноникъ Лидонъ писалъ изъ Оксфорда 22 октября:

„Я только-что прочиталъ съ истиннымъ интересомъ и сочувствіемъ Ваше письмо въ „Сѣверномъ Эхо“. Мнѣ кажется совершенно

естественнымъ, что русскій народъ негодуетъ на насъ. Мы, англичане, вели себя какъ нельзя хуже. Какъ нація, мы были то хвастливы, то подозрительны, то грубы, то циничны, дѣлали все, чтобъ возбудить недоброжелательство. Русскіе были бы ангелы, если бы не считали насъ за чертей.

„Одна или двѣ фразы въ Вашемъ письмѣ даютъ мнѣ смѣлость выразить Вамъ надежду, что Вы продолжаете заботиться о согласіи и примиреніи.

„Не падайте духомъ, все истинно доброе, сдѣланное въ мірѣ, всегда давалось тяжело. Мнѣ кажется, Вы не знаете о большомъ сочувствіи къ Россіи, которое существуетъ въ Англіи, въ особенности въ церкви и въ духовныхъ кругахъ. Для многихъ изъ насъ дѣло Россіи есть дѣло христіанства восточной Европы. Важно то, что Россія защитила угнетенные христіанскіе народы, и со временемъ это будетъ признано всѣми. Вы, я надѣюсь, останетесь въ Лондонѣ до декабря, когда мнѣ надо будетъ присутствовать въ соборѣ Св. Павла. Большое удовольствіе будетъ увидѣть Васъ и содѣйствовать сколько возможно возбужденію дружелюбныхъ чувствъ между двумя народами, которые должны бы быть въ тѣсной дружбѣ“.

Профессоръ Тиндаль, восторженное отношеніе котораго къ г-жѣ Новиковой никогда не распространялось на ея политическіе взгляды, былъ сдержаннѣе. Вотъ двѣ его записки по поводу ея двухъ статей въ октябрѣ:

„Большое спасибо за статью. Чувства мои относительно Англіи и Россіи совсѣмъ не ясны. Но ясно вполне желаніе, чтобы оба государства руководились разсудкомъ, а не страстями для устройства своихъ недоразумѣній, не прибѣгая къ адской машинѣ, называемой войной“.

„Я прочиталъ Вашу статью и относительно политики и нѣсколько смутился духомъ. Подозрительная, колеблющаяся, негостепріимная Англія, описанная Вами, мнѣ неизвѣстна“.

Гладстонъ 25-го октября писалъ г-жѣ Новиковой:

„Очень благодаренъ. Съ большимъ интересомъ прочелъ письмо. Для меня цѣнно всякое сообщеніе, откровенно высказанное. Въ этомъ правило и гордость моей родины. Поэтому я сердечно радъ, не только когда намъ говорятъ истинную правду, но даже за то, что честно принимаютъ за правду“.

Хорошо было бы, если бы многіе такъ же относились къ дѣлу.

Гладстонъ былъ пораженъ силой и ясностью, съ которой Ольга Алексѣевна изложила нашествіе на Афганистанъ. Шесть лѣтъ спустя, въ рѣчи къ своимъ избирателямъ на хлѣбной биржѣ, онъ такъ коснулся этого предмета:

„Ничто не могло такъ возвысить честодюбіе русскихъ, какъ наши враждебныя мѣры, единственный результатъ которыхъ былъ лишь довѣріе Афганистана къ русскому Царю. Русская дама очень талантливая, прекрасная политическая писательница, извѣстная г-жа Новикова, написала книгу „Россія и Англія“, посвященную ея брату Николаю Кирѣеву, очень хорошую съ русской точки зрѣнія, такъ какъ она русская. Она говоритъ: Вы очень боитесь насъ, русскихъ, чтобы мы не стали помѣхой Вамъ въ Индіи. У Васъ были двѣ преграды между нами и Индіей: нравственная человѣческая преграда въ добромъ народѣ, за много лѣтъ доказавшемъ Вамъ преданность и физическая преграда въ громадѣ горъ, и Вы могли быть спокойны. Что же Вы сдѣлали? Уничтожили нравственную преграду и заставили афганцевъ Васъ ненавидѣть. Можно думать, что если бы Вы могли, Вы уничтожили бы и физическую преграду. Къ счастью, эти горы, какъ Hindu-Koosh, окружающія Афганистанъ, слишкомъ высоки, чтобы быть скрытыми, и Вы пользуетесь до сихъ поръ безопасностью большой физической преграды между Вами и нами“.

Г-жу Новикову гораздо болѣе интересовало возстаніе въ Македоніи, случившееся тотчасъ послѣ подписанія Берлинскаго трактата, чѣмъ замѣшательство съ Афганистаномъ. Ея статья объ этомъ возстаніи была первымъ голосомъ, раздавшимся въ Англіи въ защиту несчастныхъ македонцевъ. Она начиналась такъ:

„Новое возстаніе въ Турціи! Возстаніе болгаръ: прочла это, и мной овладѣло волненіе. Я съ ужасомъ предвижу новые потоки крови, новыя жертвы за ту свободу, которую мы обѣщали добыть для нихъ“.

Кончалась статья предложеніемъ доказать англичанамъ ихъ сочувствіе къ славянамъ.

„Нравится это или нѣтъ нашему правительству, будетъ ли оно продолжать прежде всего успокаивать чувства Биконсфильда, лозунгъ начавшейся борьбы будетъ: „свободная Болгарія, отъ Дуная до Эгейскаго моря“. Снова я ставлю вопросъ: что при этомъ новомъ опытѣ сдѣлаетъ свободная, гуманная, благородная Англія? славянамъ нужны теперь дѣла, а не слова. Довольно любезностей. Нужно дѣятельное, энергичное сочувствіе“.

Фриманъ выражалъ симпатію, но не могъ воздержаться, чтобы не вставить словцо въ пользу своихъ protégés грековъ.

15 ноября 1898 г.

„Болгарія должна бы имѣть Эгейскій портъ, Турція также, но ни та, ни другая не должны занимать длиннаго пространства гре-

ческаго побережья. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы отдать Θεссалоники Болгаріи, космополитическій городъ, все равно чей онъ,—только Греціи долженъ принадлежать Адрианополь и новый Римъ.

„Что предстоитъ? Новыя конференціи. Во всякомъ случаѣ помоги Богъ македонцамъ. Я возвращаюсь къ старому псалму 1875 г.:

„Да будетъ хвала Господу въ устахъ ихъ и обоюдоострый мечъ въ рукахъ ихъ“.

Я просилъ г. Фримана написать что-нибудь о возстаніи въ Македоніи, и онъ отвѣчалъ мнѣ 24 октября:

„Я просматривалъ газеты и разговаривалъ съ г-жей Новиковой, но рѣшительно до сихъ поръ не нахожу матеріаловъ, чтобы написать что-нибудь о Македонскомъ возстаніи. Я просто не имѣю фактовъ“.

Фактовъ у него нашлось съ избыткомъ, до конца года, когда двадцать тысячъ несчастныхъ болгаръ бѣжали изъ своихъ горящихъ домовъ, чтобы искать убѣжища въ Македоніи. Общество привыкло къ ужасамъ и, за исключеніемъ протеста г-жи Новиковой, жестокости, сопровождавшія возвратъ турецкаго деспотизма въ юго-западной Болгаріи, не привлекли ничего вниманія. Прошло около тридцати лѣтъ, прежде чѣмъ успѣли убѣдить британское правительство вмѣшаться активно въ судьбу несчастной провинціи, освобожденной Россіей и вновь отданной въ рабство Биконсфильдомъ.

Неудачи, постигшія Австро-Венгрію, когда она открыла, что Боснія болѣе похожа на гнѣздо шершней, чѣмъ на улей пчелъ, не нашли большого сочувствія въ Англіи. Фриманъ, извѣстный своею безграничною ненавистью къ Австро-Венгріи, писалъ въ концѣ сентября:

„Я живу въ надеждѣ, что все это Kaiserliche, Königlische дѣло, начало котораго, Боснія, взлетитъ на воздухъ, тогда мы избавимся и отъ людоѣда и отъ турка“.

Лавелей наоборотъ утверждалъ, что для княжествъ нѣтъ иного спасенія, какъ австрійская оккупация. Онъ писалъ г-жѣ Новиковой, считавшей Австрію тогда, какъ и теперь, врагомъ славянства, покровительницей іезуитовъ и притѣснительницей православныхъ:

„Какъ освободить Боснію? Вмѣшательствомъ Россіи? Невозможно. Создать изъ нея самостоятельное государство? Тоже невозможно (??).

Отдать ее Сербіи? Очень соблазнительно, но имѣется двѣ преграды: 1) необходимость для Сербіи страшиться мусульманъ и 2) Боснія разъединена съ Далмаціей своимъ морскимъ берегомъ.

Главное, надо смотрѣть на то, что возможно,—Австрія никогда не согласится оставить увеличенную Сербію въ сосѣдствѣ съ Черногоріей и Кроаціей. Никогда“.

Лавелей почему-то довѣрялъ обѣщаніямъ Австріи, что она введетъ порядокъ, безопасность, школы, дороги, всё условія просвѣщенія. Австрія увѣряла, что никогда не сдѣлаетъ ихъ католиками ¹⁾. Поэтому будущее имъ принадлежитъ.

„Это не ваша, но моя теорія“, говоритъ Лавелей. „Увы въ этомъ мірѣ нельзя дѣлать всего, что хочешь!“

Въ концѣ октября полковникъ Мюръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ заявилъ, что будь либералы у власти, они бы объявили войну Россіи.

Г-жа Новикова, возмущенная этимъ мнѣніемъ объ англійскихъ либералахъ, написала Гладстону, надѣясь въ немъ найти утѣшеніе и опроверженіе. Тотъ отвѣтилъ немедленно:

Харденъ, 1 ноября 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я прочиталъ съ большимъ неудовольствіемъ рѣчь полковника Мюра, хотя я не нашелъ въ ней причины, оскорбившей Васъ, но мнѣ трудно вѣрить, чтобы онъ произнесъ ее. Во-первыхъ, онъ ничего не знаетъ о либералахъ и ихъ намѣреніяхъ, кромѣ того, что они заявляютъ публично, но ихъ заявленія какъ разъ противоположны тому, что имъ приписываютъ. Я не думаю, чтобы Мюръ говорилъ эту рѣчь; но говорилъ онъ ее или нѣтъ, она пуста и лишена значенія.

„Насколько я могу судить о мысляхъ либераловъ, будь они у власти, я думаю, они не задавались бы вопросомъ войны съ Россіей, потому что они употребили бы всё усилія, чтобы организовать согласіе европейскихъ державъ для достиженія необходимыхъ уступокъ отъ Турціи. Что лично я былъ бы склоненъ еще сдѣлать, это воспротивиться всякимъ предварительнымъ постановленіямъ между тремя императорами и требовать для Англій и другихъ державъ честнаго и равнаго невмѣшательства.

„Митингъ, на которомъ я присутствовалъ вчера вечеромъ, былъ очень многолюдный и восторженный. Что меня касается, я думаю, что настоящее правительство приближается къ гибели, и надѣюсь, что день, когда ему унаслѣдуетъ лордъ Гранвилъ, наступитъ не позже 12 мѣсяцевъ.

„Не желательно, чтобы это случилось внезапно. Боюсь, что до конца этого мѣсяца не буду въ городѣ.

Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ“.

¹⁾ Г-нъ Лавелей ошибался: въ 1908 г. іезуиты насчитывали въ двухъ провинціяхъ уже 400.000 католиковъ... Число ихъ все растетъ. Растетъ и преслѣдованіе несчастныхъ православныхъ.

Рѣчь Гладстона въ Райдѣ привела въ негодованіе Фримана. Онъ пишетъ 5 ноября:

„Въ своей рѣчи Гладстонъ предполагаетъ, что въ 1856 г. почти всѣ считали возможными реформы въ Турціи. Я зналъ уже въ 1855 г., что это невозможно. Прочтите мою книгу „Исторія и побѣды сарациновъ“ отъ стр. 200 (2 изданія) и до конца. Вещь простая: у каждой магометанской страны обязанность религіи—ставить подданныхъ, не магометанъ, ниже своихъ единовѣрцевъ. Допускается лишь презрительная терпимость. Когда терпимость возводится въ законъ, то въ Турціи ему практика противится. Поэтому, ни одно магометанское правительство неспособно къ реформамъ на подобіе христіанскихъ. Оно должно прежде всего поставить своихъ подданныхъ, не магометанъ, въ такое положеніе, которое не оправдывало бы мятежъ въ каждую данную минуту. Христіанское правительство можетъ быть такъ же плохо, какъ и магометанское, но ничто не мѣшаетъ ему преобразоваться, и многіе, болѣе или менѣе, реформировались. Я это много разъ повторялъ, зналъ это въ 1855 г., чего, повидимому, Гладстонъ не зналъ“.

Интересно, что сказали бы Фриманъ о конституціонныхъ перспективахъ 1908 г. въ Турціи!

Гладстонъ, въ письмѣ отъ 14 ноября, возвращается къ полковнику Мюру. Онъ говорить:

„Дорогая госпожа Новикова. Получивъ Ваше письмо, я написалъ Брайсу, который отрицаетъ объясненія полковника Мюра. Оказывается, этотъ полковникъ, съ излишней поспѣшностью, сначала неправильно его понялъ, потомъ ошибочно привелъ его слова, сказанныя въ частномъ разговорѣ, и сообщилъ даже имя Брайса въ „Daily Telegraph“. Такимъ образомъ задалъ работу тѣмъ, у кого и такъ дѣла много. Я чувствовалъ, что Брайсъ не могъ быть виновенъ въ такой безсмыслицѣ.“

„Полковникъ Мюръ, я полагаю, благонамѣренный человѣкъ, но онъ принадлежитъ къ міру военному, среди котораго либералы въ крайнемъ меньшинствѣ.“

„Лордъ Биконсфилдъ снова показалъ, изъ какого матеріала онъ созданъ, воспользовавшись осторожнымъ и рыцарскимъ указаніемъ Вашего Государя, лишившаго его возможности выказать лишній разъ свою дерзость. Вы, можетъ быть, читали мое письмо въ „Эхо“ или его рѣчь. Если не читали, я Вамъ пришлю ихъ. Я твердо убѣжденъ, что державы, агенты которыхъ подписали Родопское донесеніе, должны обсудить, какіе шаги слѣдуетъ предпринять теперь. Боюсь, что мнѣ придется скоро говорить длинную рѣчь. Искренно преданный Вамъ Гладстонъ“.

Госпожа Новикова была бы гораздо болѣе довольна, если бы Гладстонъ не касался вовсе Родопскаго донесенія, но это былъ не первый случай, когда Гладстонъ касался подобныхъ вопросовъ, чтобъ доказать свое безпристрастіе.

Когда Ширъ-Али, Афганскій эмиръ, принялъ русское посольство, Гладстонъ утверждалъ, что если это обстоятельство представляло *casus belli*, то Англія должна была объявить войну не слабому эмиру, а сильной Россіи. Гладстонъ говорилъ это ввидѣ насмѣшки надъ правительствомъ, но Мартенсъ, извѣстный англофилъ, предполагалъ, что Гладстонъ стоялъ за войну съ Россіей, когда Гладстонъ готовился произнести большую рѣчь въ Гринвичѣ. Г-жа Новикова попросила у него билетъ на входъ. На это Гладстонъ написалъ ей слѣдующее:

Харденъ, 24 ноября 1878 г.

Дорогая г-жа Новикова. Боюсь, что Вы должны меня считать невѣжей потому, что я не предложилъ Вамъ достать билетъ на Гринвичъ, но я поступилъ благоразумно. Вы не можете себѣ представить тѣхъ подозрѣній и ложныхъ обвиненій, которымъ я подвергаюсь. Моя прямая обязанность—быть осторожнымъ. Такой простой поступокъ, какъ присылка Вамъ билета, получилъ бы вредную окраску. Вамъ лучше обратиться къ почетному секретарю, какъ русской, или какъ иностранкѣ, и просить у него билетъ или билеты, какіе Вы желаете. Не знаю, какъ дѣла у Васъ, у насъ они очень серьезны, и этимъ мы обязаны правительству. Вашъ искренно Гладстонъ“.

Контрастъ между нежеланіемъ оказать простую услугу, присылкой г. Новиковой билета на публичное собраніе, и смѣлымъ предложеніемъ руки, чтобъ провести ее изъ Сентъ-Джемсъ-Холъ, послѣ конференціи въ 1876 г., очень характеренъ.

Эта осторожность не мѣшала ему писать такъ же часто и откровенно. Въ двухъ письмахъ въ декабрѣ онъ возвращается къ старой темѣ.

72. Харлей Стритъ.

4 декабря 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Ваша роль здѣсь—это роль миротворца. Нѣтъ болѣе высокаго призванія, а потому Вы имѣете полное право говорить со мной.

Я понимаю, что данныя мной краткія объясненія на счетъ Россіи могутъ казаться оскорбительными, но надѣюсь, что Вы ихъ найдете умѣренными.

Я нахожу, что посольство въ Кабуль было нарушеніемъ договора съ бывшимъ правительствомъ. Я ожидалъ что Россія сошлется на то, что это было соглашеніе между дружественными правительствами, и что оба мы имѣемъ право отступить отъ него. Я не отнесся бы критически къ такому отвѣту, но отвѣтъ, что это была лишь миссія вѣжливости, слѣдовательно, внѣ предѣловъ соглашенія, меня не удовлетворяетъ.

Что касается Родопскаго дѣла, я не высказывалъ и не составлялъ даже мнѣнія о жестокостяхъ, совершенныхъ русскими. Ихъ гуманное обращеніе во время войны 1877 г. мнѣ извѣстно. Но я не могу пройти молчаніемъ на этотъ разъ низкой клеветы, которой меня осыпаютъ Лаярдъ и другіе.

Я нахожу, что обязанность нашего правительства произвести разслѣдованіе и потомъ рѣшить, какъ дѣйствовать. Вѣрьте моей искренней преданности.

Гладстонъ“.

Получивъ письмо отъ старика графа Грей, одобряющаго образъ мыслей Гладстона, я сообщилъ объ этомъ въ Харденъ. Вотъ отвѣтъ Гладстона:

2 ноября 1878 г.

„Милостивый Государь. Я очень доволенъ всѣмъ, что я видѣлъ и читалъ относительно лорда Грей. Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе знать, что онъ относится одобрительно къ моимъ поступкамъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ непоколебимой смѣлостью и неизмѣнной правильностью намѣреній, я восхищаюсь.

Гладстонъ“.

Фриманъ критиковалъ Берлинскій конгрессъ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Три трактата“, которую онъ помѣстилъ въ Quarterly Review. За это время интересъ народный перешелъ съ Балканъ на Афганистанъ, и Фриманъ былъ нѣсколько огорченъ тѣмъ, что статья его привлекла къ себѣ такъ мало вниманія.

Онъ писалъ мнѣ 30 октября 1878 г., выражая надежду, что народъ наложитъ вето на Афганскую войну.

Г-жа Новикова конечно была въ восхищеніи отъ „Трехъ трактатовъ“. Вопросъ о томъ, что должны предпринять противники войны, которая объявлена, и которую они считаютъ несправедливой, часто обсуждался въ то время, какъ Биконсфилдъ угрожалъ войной Россіи. Онъ возобновился въ 1878 г., когда возникла непротистительная война въ Афганистанѣ.

Фриманъ мнѣ писалъ 11 декабря 1878 г. по поводу этой войны:

„Я еще не дошелъ до рѣчи Гладстона, но въ преніяхъ обѣихъ палатъ въ понедѣльникъ никто не обсуждалъ простого факта. Теперешняя война есть личное преступленіе Биконсфильда и его соучастниковъ. Если мы на нее согласимся, преступленіе будетъ наше, а не ихъ.

„По-настоящему, его и его присныхъ, какъ преступниковъ слѣдовало бы отправить въ Афганистанъ, вины бы въ этомъ не было. Тогда бы мы имѣли „миръ съ честью“.

Въ такомъ же духѣ писалъ сэръ G. W. Коксъ наканунѣ Рождества:

„Я прихожу въ ужасъ, прочитавъ, что даже „Spectator“ находить, что, такъ какъ Робертъ потерпѣлъ неудачу, мы не можемъ уйти изъ Афганистана, не покоривъ вновь Кабула“.

„Это просто отвратительно.

Если мы не сдѣлали зла, будемъ стоять за свою правоту. Но если мы были неправы, неужели нѣтъ никакой возможности признаться передъ всѣмъ свѣтомъ въ нашей винѣ?

Все это дѣло Биконсфильда. Вы, конечно, будете стоять за то, что наша первая обязанность оставить Афганистанъ, не грѣша болѣе противъ людей, которымъ мы уже нанесли непростительный вредъ.

Къ огорченію и стыду, испытываемому нами, при сознаніи полного безсилія отворатить ненавистную войну въ Азію, прибавился, въ ноябрѣ, страхъ, что правительство поссорится съ Россіей изъ-за Родопской комиссіи“.

Епископъ Фразеръ писалъ:

„Какое странное высшее общество Англіи, оно приходитъ въ восторгъ отъ такого наглаго лжеца, какъ лордъ Биконсфильдъ. Это внушаетъ массу тревожныхъ вопросовъ о разныхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, о вліяніи на насъ христіанства и церкви Христовой. Я боюсь, что мы опять гниемъ. Однако я долженъ сказать, что г-жа Новикова смотритъ на вещи слишкомъ мрачно. Россія много сдѣлала для Востока. Континентъ, или во всякомъ случаѣ Германія, непріятное мѣстопробываніе. Теперь тамъ тяжелыя подозрѣнія и безпокойство преобладаютъ. Чувствуется какъ бы приближеніе катастрофы“.

Госпожа Новикова издала въ 1878 г. свои письма въ брошюрѣ подъ названіемъ „Друзья или враги“.

Брайсъ, теперешній посланникъ въ Вашингтонѣ, писалъ мнѣ, послѣ ея появленія:

„Вторая серія ея писемъ, даже лучше первой, полна огня и